

«ЗОВУ ТЕБЯ СЕСТРОЮ...»

Минул год с того дня, когда перестало биться сердце Ярослава Ивашкевича. И отчетливее стала видна невосполнимость этой утраты. Утраты большого художника, который был и остался символом дружбы польской и русской культур.

Если одним словом охарактеризовать Ивашкевича, то этим словом должно быть — Мастер. Если двумя, то — Мастер и Труженик. Оба слова с большой буквы. Потому что Ярослав Ивашкевич достиг в литературе подлинных высот мастерства и поражал своей неутомимостью, безграничностью эрудиции и разносторонностью дарования. Даже перешагнув порог 85-летия, он с такой же страстностью отдавался сочинительству, как в молодые годы.

Прозаик, драматург, эссеист... И все же прежде всего — поэт. Естественно, по сравнению с юностью изменились мотивы и тональность его лирики. Сегодня мы публикуем стихи, увидевшие свет уже после кончины Ивашкевича. Они дают представление о том мире образов, в котором жил старый Мастер, о его раздумьях. Возлекая в строфы эллинскую Уранию и великого немецкого поэта Гёльдерлина, он окидывал мысленным взором свою богатую событиями и впечатлениями жизнь.

Давно введенный в пантеон классиков польской литературы, Ярослав Ивашкевич до последнего дыхания жил не в ожидании покая, а во имя той высокой и беспощадной радости, которая дается только творцам.

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

Урания

Урания, зову тебя сестрою,
Сосной зову — раз указуешь небо
Перстом створа,
Твой ветер, в гриве воя,
Внизу смолкает.
И взмолиться мне бы —

Наворожить в короне из омелы,
Чтоб выстояла стражем у порога,
Храня цветок, и плод, и улей белый,
Храня сердца, умолкшие до срока.

Урания, дня судного богиня,
Всего недоброго и разрушенья,
Небытие храни и дом отныне,
Богиня тленья и богиня дленья.

Меня возьми ты гривой испуганной,
Мне руки вырви — что им быть со мною!..
Похороши, спаси, дай сбиться кроной
И стать тобой, небытием, сосною.

Гёльдерлин
Провел в башне
Всю жизнь
Прикидываясь безумным

Мы были безумны
И неистовы
И потеряны
Но наша башня
Высилась в воображеньи

Засыпая
Улетаю на башню
И осыпаю тебя
Ипестками

Просыпаюсь
Башня рушится

И я опять одинок
Словно в минуту творенья

И распускается в горле
Невольный крик
И я думаю:
Все уже было

И все лепестки
Которыми ты засыпана
Я обрывал с себя

С чела своего
С чресел своих
Со своего сердца

И очень больно...

Перевел с польского
Асер ЭПЦЕЛЬ